

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТИ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ: ОТ ИНТУИТИВИСТСКИХ КРИТЕРИЕВ К ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫМ

Гурин Г. Б. (grigory.gurin@uef.fi),
Беликова А. Е. (alex.belikova@gmail.com)

Университет Восточной Финляндии, Йоэнсуу

В статье предпринимается попытка усовершенствования существующих количественных подходов к метафоре в дискурсе и предлагается новая классификация типов метафорических выражений по степени конвенциональности, сохранности исходной образной составляющей. Новизна предлагаемой классификации состоит в минимизации роли интуитивных и интроспективных критериев, которые широко используются в метафорологических исследованиях. Установление значения параметра метафорической креативности опирается главным образом на последовательное использование лексикографических и корпусных данных и в меньшей степени на интуицию исследователя. Предлагаемая классификация сопровождается алгоритмизированной методикой оценки метафорических выражений с точки зрения конвенциональности / креативности. С помощью этой методики возможна количественная оценка степени метафоричности отдельных текстов и их совокупностей. Источником иллюстраций является русский язык.

Ключевые слова: метафора, конвенциональность, креативность, интроспекция и интуиция, корпус, метод, алгоритм

A PROCEDURE FOR EVALUATING DEGREE OF CONVENTIONALITY OF METAPHOR EXPRESSIONS: FROM INTUITION TO OPERATIONAL CRITERIA

Gurin G. B. (alex.belikova@gmail.com),

Belikova A. E. (grigory.gurin@uef.fi)

University of Eastern Finland

The paper seeks to improve existing approaches to the quantitative analysis of metaphors in discourse and attempts to develop a new classification for metaphorically used lexical items based on the degree of their conventionality, i.e. on the extent of integrity of the original image element. The novelty of the approach lies in its consistent avoidance of reference to intuitive and introspective criteria, which are of wide use in metaphor studies. The measurement of metaphorical creativity is based on a technique entailing a set of objectively established features, and referring mainly to external sources (dictionaries, corpora) and to a minor extent based on the intuition and subjective language competence of the researcher. The proposed classification goes in pair with a verifiable algorithmic procedure for identification of metaphor type. The method allows quantitative evaluation of the degree of metaphoricity for separate texts and text collections. Russian is used as a source of illustrations.

Keywords: metaphor, conventionality, creativity, introspection and intuition, corpus, method, algorithm

Введение

Общим местом в метафорологии стало представление о том, что мертвые метафорические выражения (далее — МВ) противопоставляются окказиональным, а пространство между этими полюсами заполнено более или менее конвенционализированными МВ.

Существует несколько традиционных и современных классификаций метафор с этой точки зрения, однако интенсивные исследования пока не вылились в формальную методiku оценки МВ. Несмотря на отдельные попытки операционального выделения таксонов, четких методик измерения степени конвенциональности, опирающихся на проверяемые признаки и охватывающие все пространство МВ, похоже, пока не существует. Тем не менее имеются работы, прибегающие к количественному измерению степени «интенсивности» или «креативности» метафор в массивах текстов, например (De Landtsheer 1998), (Баранов 2003).

Области применения классификации МВ

Для чего нужна такая классификация? На этот вопрос можно дать три ответа.

1) Традиционно предполагается, что окказиональные сближения двух семантических планов — признак недавнего возникновения МВ, а привычность когнитивного сближения, автоматизм восприятия, незаметность — маркеры старения метафоры, поэтому измерение интенсивности метафор может стать ключом к анализу динамики в эволюции метафорических систем. Исследователь, располагающий методикой установления степени метафоричности, может оценивать инновации с точки зрения перспектив их закрепления в языке и прогнозировать развитие метафорических моделей и систем, что может стать ценным дополнением к каталогизирующему подходу в описании метафор.

2) Измерение конвенциональности МВ оказывается необходимым в прикладных исследованиях, интерпретирующих метафорику, например, как индикатор активности социально-политических процессов. Работы такого типа предполагают кодирование входящей информации с помощью весовых коэффициентов, что неизбежно вызывает вопрос о правилах приписывания количественных значений анализируемым единицам.

3) Формализованная методика анализа степени конвенциональности МВ, эксплицитно отказывающаяся от интуитивистских решений, оказывается единственно адекватной в случае анализа метафор тех языков, полноценным знанием которых исследователь не обладает, например в исторических, типологических и в переводоведческих исследованиях.

Интуитивистские классификации: метафоры *живые* и *мертвые*

Традицию оценки конвенциональности метафор в интуитивистских терминах заложил Ш. Балли (Bally: 193–195) и с тех пор в большинстве метафорологических работ существование разных типов метафор принималось как данность. Термины из этой сферы (метафора *мертвая*, *языковая*, *этимологическая*, *историческая*, *стандартная*, *конвенциональная*, *узуальная*, *свежая*, *инновационная*, *авторская*, *окказиональная*; *dead*, *frozen*, *entrenched*, *naturalized*, *established*, *novel*, *innovative*, *nonce* и т.д.) использовались как сами собой разумеющиеся и не нуждающиеся в операциональном толковании. Потребовалось немало исследовательских усилий для осознания ограниченности этого подхода и для формулирования некоторых эмпирических критериев разграничения разных типов метафор. Однако и в современных работах интуитивистские определения используются неожиданно широко: например, в обобщающей работе (Cruse 2004), в целом часто использующей возможности формального разграничения разных классов единиц, разница между «натурализованными» (*naturalized*) и «укоренившимися» (*established*)

метафорами подается как самоочевидная интроспективная данность: первые «настолько утвердились и так глубоко вошли в язык, что говорящие *не чувствуют* [no longer feel], что они представляют собой фигуры речи»; вторые же «входят в ментальный лексикон в виде отдельных единиц, но тем не менее *чувствуется* [felt to be], что это фигуры речи» (Cruse 2004: 197) (курсив наш — А. Б., Г. Г.).

Имеются случаи, когда исследователь, нуждающийся в измерении степени конвенциональности МВ, использует в качестве инструмента определения степени узуальности/оказиональности не систему верифицируемых признаков, а компетенцию носителя. Таков подход К. Де Ландтсхеер, реализованный, в частности, в статьях (De Landtsheer 1998) и (Vertessen, De Landtsheer 2005), анализ парламентского дискурса опирается на вычисление коэффициента метафоричности, переменная интенсивности в котором ранжируется с помощью весовых коэффициентов, причем присвоение конкретного значения МВ производится носителями языка на основе их субъективных оценок «странности или необычности метафорического выражения в контексте» и «силы отсылки к буквальному значению».

Принципы построения классификации МВ

При обсуждении критериев разграничения типов МВ по степени конвенциональности мы исходили из нескольких эвристических принципов.

1) Принцип **верифицируемости**. Процедуры, применяемые для определения места конкретного МВ в классификационной схеме, должны быть проверяемыми и в минимальной степени опираться на компетенцию носителя языка.

2) Принцип **теоретической нейтральности**. Разные теории метафор — от архаичной теории замещения до теории концептуальной метафоры и когнитивного блендинга — отчетливо противостоят друг другу на уровне теоретических утверждений, но гораздо более согласованы на уровне эмпирического анализа. Если взять за основу конкретные приемы оценки метафор, предлагаемые разными теориями, то компромисс в части построения классификаций будет вполне достижимым. Полная теоретическая нейтральность вряд ли может считаться реалистичной целью, но уровень конфликтности теорий может быть снижен, если последовательно учитывать разные приемы анализа МВ.

3) Принцип **полноты**. Многие известные классификации ограничивают количество выделяемых классов тремя-четырьмя, причем разные классификации фокусируются на разных зонах шкалы конвенциональности (например, на отрезке языковых и узуальных метафор), рассматривая оставшуюся часть уже без деталей. Предлагаемая классификация, учитывая ее компромиссный и обобщающий характер, стремится к выделению максимального числа таксонов, а процесс оценки МВ сводится к алгоритмизированной процедуре.

Дифференциальные признаки степени конвенциональности МВ

В метафорологии последнего времени наметилась тенденция к разработке простых и прозрачных процедур описания метафор. Так, появились работы, нацеленные на выработку строгих критериев поиска и идентификации слов и выражений, использованных метафорически в текстах разных речевых регистров и жанров (Pragglejaz Group 2007), (Steen et al. 2010). В ряде исследований (Deignan 2005), (Goatly 1997), наряду с интуитивистскими признаками, обсуждается и ряд независимых от исследовательской интуиции критериев оценки метафор. Стимулом для этих попыток стала возможность использования лингвистических корпусов. Ниже предлагается список критериев и эвристических приемов идентификации, предлагаемых исследователями для разграничения разных типов МВ. В качестве иллюстраций использованы примеры из Национального корпуса русского языка (НКРЯ, ruscorpora.ru), однотомных толковых словарей русского языка, отдельные примеры креативных метафор привлечены из других источников.

1. Наличие или отсутствие словарной фиксации как исходного, так и метафорического выражения в толковом словаре. Словарь в этом случае выступает в качестве формализованного аналога семантической памяти среднего носителя. Этот критерий, во-первых, позволяет разграничивать инновационные, окказиональные, свежие, редкие метафоры, с одной стороны, и метафоры узуальные, уже ставшие фактами словаря, с другой. Кроме того, отсутствие словарной фиксации исходного значения может быть интерпретировано как индикатор финальной стадии жизни МВ в языке, его перехода в область этимологических метафор. В качестве разных типов фиксации можно рассматривать: 1) отражение значения в словарной статье в качестве единицы в нумерованном списке значений или в статусе подзначения, например *СЕТЬ 1. Приспособление, изделие из закрепленных на равных промежутках перекрещивающихся нитей, веревок, проволоки; 3. Система коммуникаций, расположенных на каком-нибудь пространстве* (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь современного русского языка. 4-е изд., 2007. — далее СОШ); 2) наличие в словарной статье иллюстрации к метафорическому значению при отсутствии эксплицитного толкования: *Враг не дремлет* (СОШ) (= начеку, в состоянии готовности).

2. Возможность / невозможность замены метафорической единицы в контексте на неметафорический синоним. Этот способ проверки восходит к теории замещения, рассматривающей метафору как вторичный инструмент номинации. Невозможность естественного демегафоризирующего перифразирования является признаком стертой или мертвой метафоры (Black 1962): *сп. носик чайника, компьютерная мышка, ножка стула, глухой (звук), часы идут vs. продать своих друзей → предать своих друзей, дикая выходка → нелепая, странная выходка, острый ум → пронизательный ум*. Этот признак позволяет

проводить границу между номинативными и фигуративными метафорами, являющимися добавочными средствами обозначения. Свойство служить средством «дополнительного наименования» (additional naming) входит в число главных эвристических критериев идентификации фигуративных выражений в (Dobrovolskij, Piirainen 2005: 18–20).

3. Возможность или невозможность реализации метафорического значения в минимальном контексте, вне речевого окружения, содержащего лексические приметы области цели (Cruse 2004: 72), (Deignan 2005: 42–43). Например, лексема *жажда* 2 ‘сильное, страстное желание чего-н.’ может реализовать это значение исключительно в составе конструкций с генитивом или зависимым инфинитивом типа *жажда славы, жажда знаний, жажда учиться*, а при употреблении лексемы в минимальном контексте типа *У него жажда* в нормальном случае метафорическое значение не актуализируется, и лексема интерпретируется только как ‘он хочет пить’. Совсем иначе ведут себя лексемы *чистка* 1 и *чистка* 2.

Пример 1. Метафорическая лексема *чистка* 2 не нуждается в контекстуальной поддержке со стороны синтаксически зависимых компонентов и может актуализироваться как в разъясняющем контексте, насыщенном приметами области цели (*идеологическая чистка, чистка рядов партии*), так и вне его. Так, фраза *У нас опять была чистка* может быть интерпретирована и как ‘у нас была уборка’, и как ‘у нас были увольнения с работы, исключения из организации или преследования на идеологических основаниях’. Проверка МВ по этому признаку существенно облегчается в случае использования корпуса, что показано в (Deignan 2005: 42–44). Обязательное наличие в синтаксическом контексте лексических примет области цели для реализации метафорического значения говорит о меньшей степени конвенциональности МВ по сравнению с контекстуально независимыми МВ, ср. (1):

- (1) *Никакой чистки мы не проводили* [Немцов, Кремль и есть правительство (2003) // «Газета», 2003.06.20].

4. Метафоры, не фиксируемые словарями, естественно искать в корпусе. Нелексикографированные МВ могут быть редкими и более или менее равномерно распределяться во времени (пример 2), а могут концентрироваться в хронологически недавних контекстах, что свидетельствует об интенсивном вхождении в язык нового метафорического значения (пример 3).

Пример 2. Глагол *дремать* 2 ‘бездействовать, находиться в состоянии покоя’ (ср. *вулкан дремлет, дремлющий вулкан*) не фиксируется в однотомных толковых словарях, в отличие от лексикографированного метафорического значения глагола *спать*, однако в НКРЯ обнаруживается не менее десятка примеров реализации *дремать* 2 в текстах XIX–XXI века:

- (2) *Нужен мониторинг — постоянное отслеживание тихих сигналов дремлющего вулкана* [Виталий. Вулкан по имени Эльбрус // Труд-7, 2007].

Пример 3. Выражение (*ломать*) *через колено* в метафорическом значении 'решительно, радикально менять, возможно с разрушительными для объекта последствиями' не отражено в СОШ, однако в основном и газетном подкорпусах НКРЯ зафиксировано не менее 16 и 30 вхождений соответственно, причем практически все они относятся к 1990–2000 гг. (только один пример датирован 1930 г.):

- (3) [*Поправки*] *в очередной раз через колено переломают нефтянку* [Хайруллин. Новый бензиновый беспредел // «Московский комсомолец», 2003].

5. Если анализируемое МВ не зафиксировано ни в словаре, ни в корпусе, можно проверить его на соответствие концептуальным метафорам, определяющим строй того или иного языка. Такого рода разграничение предложено в работе (Kövecses 2002: 31–32). Лексически уникальное МВ может вполне укладываться в систему концептуального кросс-доменного сближения, поддержанного множеством других МВ (примеры 4–5 ниже), а может быть концептуально уникально и манифестировать индивидуальное совмещение двух областей опыта, не имеющее конвенциональных аналогов (пример 6).

Пример 4. В (4) используется не зафиксированное в словарях и не отраженное в НКРЯ выражение *рыночные колесики*:

- (4) *Без [организаторских талантов] «труд мужика или ученого» не сцепляется с рыночными колесиками, сложная система не складывается!* [Радищевский. Правда и революция // «Российская газета», 2010].

Это МВ реализует вполне стандартную для русского языка концептуальную механистическую метафору экономика — это механизм / транспортное средство (ср. узуальные *рыночные механизмы, локомотив экономики, двигатель экономики, тормоз экономического развития, экономические рычаги* и т. д.). Здесь можно говорить, пользуясь терминами фреймовой семантики, об индивидуальном заполнении слота в стандартном сближении фреймов.

Пример 5. МВ в (5)–(7) эксплуатируют целую совокупность близких концептуальных метафор страна / народ — это лошадь (домашний скот), глубоко укорененных в языке и родственных традиционному библейскому образу народа как стада (ср. стандартные *обуздать народ, держать народ в узде* и несколько менее стандартный *хомут крепостничества*):

- (5) *Хотелось [Горбачеву] ввести Россию в цивилизованное стойло, да больно брыкастая она* [А. Яковлев. Омут памяти. (2001)];

- (6) *Династия Романовых <...> загнала свой народ в стойло крепостничества* [Долуцкий. Дурная болезнь // «Век XX и мир», 1992];
- (7) *[П]ришествие в клуб ЕС <...> застоявшихся в советском стойле новобранцев из Восточной Европы размыло влияние Франции в Евросоюзе* [Сантехник остался за дверью // РИА Новости, 2005].

Пример 6. Авторское МВ *разрушение слоя интеллектуального озона* из (8) не соответствует никакой готовой концептуальной метафоре (*образованные слои общества — это озоновый слой). Эта метафора находится на высшей ступени неконвенциональности, реализуя непрогнозируемую проекцию из физики атмосферы в область социальной реальности.

- (8) *Откуда серый туман скуки и падение драйва, разрушение ноосферы, слоя «интеллектуального озона» над страной?* [Л. Радзиховский, «Российская газета», 2010].

Классификация типов МВ по степени конвенциональности

На основе этих признаков можно построить классификацию типов метафор по степени конвенциональности, отражающую шкалу постепенных переходов от наиболее старых, стертых метафор до метафор креативных. Предлагаемая ниже классификация имеет априорный характер, в будущем предполагается ее использование при анализе метафорического строя финских политических текстов и их переводов на русский язык.

а) **Этимологическая** метафора. В толковых словарях фиксируется только вторичное значение таких МВ. Например, лексема *уго* в современных русских словарях толкуется только как ‘угнетающая, порабащивающая сила’ (СОШ), однако в истории языка это слово развивает вышеупомянутые современные значения на основе утраченного ‘ярмо, хомут’.

б) **Мертвая** метафора. Словари фиксируют как первичное, так и вторичное, метафорическое значения слова, при этом метафорическое значение выступает в качестве главного средства номинации определенных объектов, свойств, действий, состояний и не может быть оформлено другими (неметафорическими) лексемами: *альпинистские кошки, часы идут, высокий голос, низкое давление*. В интуитивистских терминах такие метафоры часто называются **безобразными**.

в) **Спящая** метафора. Толковые словари так же, как и в предыдущем случае, фиксируют как первичное, так и метафорическое значения слова, однако переносное значение слова не является единственным средством номинации и может быть естественным образом заменено на неметафорическое: *идет снег→падает снег, продать своих друзей→предать своих друзей*. Дифференциальным признаком этого типа является высокая степень

независимости метафорического значения от лексического и конструктивного окружения. Метафора успешно может быть реализована в контексте, не насыщенном лексическими элементами области цели. См. также пример *чистка* выше.

г) **Конвенциональная** метафора. От спящей метафоры этот тип отличается лексико-синтаксическими связями МВ с элементами контекста, однозначно указывающими на область цели. Вне такого контекста реализация метафорического значения затруднена. Так, лексема *поток* может реализовывать метафорическое значение 'движущаяся масса чего-н., кого-н.' только в контексте зависимых имен, находящихся в лексическом контрасте с исходным значением слова: *людской поток, поток мыслей, поток слов, поток света*.

Ниже описываются разновидности нелекسیкографированных метафор.

д) **Редкая (речевая)** метафора. В этот класс входят МВ, неоднократно, хотя и нечасто фиксируемые в корпусе. Это не уникальные, хронологически и жанрово распределенные МВ. Как правило, они представляют собой прогнозируемое развитие уже имеющихся в языке концептуальных метафор, например, лексема *инфляция* часто используется в неэкономическом метафорическом значении 'обесценивание, разрушение ценности или значения чего-н.', которое лишено лексикографической фиксации. В НКРЯ, однако, обнаруживается немало примеров реализации этого значения, реализующегося обычно в составе генитивной конструкции: *инфляция понятия, инфляция слова, инфляция доверия, инфляция искусства, инфляция ценностей*. Это значение слова *инфляция* вполне укладывается в распространенную концептуальную метафору значения / ценности / продукты ментальной деятельности человека (убеждения, мысли, идеи и т. п.) — это объекты, имеющие цену: ср. *его слову грош цена, он дорого заплатил за свои убеждения, ценная мысль, дешевая риторика, торговать убеждениями*.

е) **Свежая** метафора. МВ этого типа, разделяя с речевыми метафорами такой признак, как неоднократная корпусная фиксация, отличаются от последних тем, что характеризуют последний этап существования языка и постепенно наращивают частотность. Они могут войти в язык и попасть в словарь, однако для этого должно накопиться репрезентативное количество их употреблений (ср. пример *ломать через колено* выше). Свежие МВ могут как соответствовать уже манифестированным в языке концептуальным метафорам, так и устанавливать новое концептуальное соответствие между доменами, увеличивая спектр кросс-доменных сближений. К примеру, на рубеже 1980–1990 гг. в публицистических и художественных текстах стали появляться лексические манифестации новой органистической метафоры человеческое сообщество — это грибница, которая порождает образ структурированной человеческой группы, обладающей отсутствием централизованной структуры и свойствами способности к самовоспроизведению, естественности, тенденции к самоорганизации, невидимости. МВ с лексемой *грибница* в значении 'общество, социальная структура' стабильно, хотя и нечасто используются на протяжении 30 лет.

- (9) *Когда-то у нас в стране была подлинная **грибница интеллигентных людей**. Эта **грибница** плодила <...> настоящих, благородных людей, для которых важнее всего был голос их совести. Эту **грибницу** и уничтожили в несколько туров [В. Дудинцев. Цвет наших одежд // «Литературная газета», 1988];*
- (10) *В его рассказах автор не отличается от героев, потому что все **люди** для Довлатова были **из одной грибницы** [А. Генис. Довлатов и окрестности, 1998]*
- (11) *Нельзя до поры тормозить разросшуюся в российской элите **ельцинскую «грибницу»** [Раз — наперсток // «Санкт-Петербургские ведомости», 2003].*

ж) **Инновационная** метафора. Это лексически уникальные, крайне редкие в корпусе, но концептуально предсказуемые метафоры, представляющие собой результат окказионального заполнения целевого слота при общей когнитивной поддержке системы, при наличии манифестированных в узусе фактов сближения доменных областей. К примеру, одна из стандартных метафорических концептуализаций состояния сна — это вместилище, заполненное жидкостью: ср. *глубокий сон, поверхностный сон, погрузиться в сон, сон улетучился*. Эта концептуальная метафора имеет лексические лакуны, которые легко заполняются в индивидуальном дискурсе:

(12) *Я чуть **вынырнул** из сна [В. Попов, Будни гарема, 1994];*

(13) *Тихо **стекает** с тела сон [Т. Толстая, Ночь, 1983].*

з) **Креативная** метафора. МВ этого типа уникальны и концептуально, и лексически: они возникают в результате не имеющего аналогов сближения доменных областей, не поддержанного стоящей за языком концептуальной системой (ср. *слой интеллектуального озона*). В иллюстрации (14) в оригинальных выражениях манифестируется слабо укорененное в русском политическом дискурсе концептуальное сближение политические процессы — это приготовление еды, единичные реализации которого встречаются в общественно-политической речи (*кремлевские повара, политический рецепт*).

(14) *Из **полусырого бульона ельцинского времени почти уже сварился авторитарно-олигархический супчик** [Прибыловский, Неприкосновенный запас, 2004, № 38].*

Представленная классификация может быть представлена в виде алгоритма.

Схема 1. Алгоритм оценки метафорических выражений (МВ) по степени креативности/конвенциональности

References

1. Baranov A. N. (2003) Political metaphors in political texts: the possibilities of linguistic monitoring. [Politicheskaia metaforika politicheskogo teksta: vozmozhnosti lingvisticheskogo monitoringa]. Iazyk SMI kak ob'ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniia. Moscow. Available at: <http://evartist.narod.ru/text12/09.htm>.
2. Bally Ch. (1951), *Traité de stylistique française*. Geneve.
3. Black M. (1962), *Models and metaphors: studies in language and philosophy*. Ithaca, N.Y.
4. Cruse A. D. (2004), *Meaning in Language. An Introduction to Semantics and Pragmatics*. Oxford.
5. De Landtsheer Ch. (1988), The political rhetoric of a United Europe, in *Politically speaking: a worldwide examination of language used in the public sphere*. New York, pp. 129–146.
6. Deignan A. (2005), *Metaphor and Corpus Linguistics*. Amsterdam.
7. Dobrovolskij D., Piirainen E. (2005), *Figurative Language: Cross-Cultural and Cross-linguistic Perspectives*. Amsterdam.
8. Goatly A. (1997), *The Language of Metaphor*. London, New York.
9. Kövecses Z. (2002), *Metaphor. A Practical Introduction*. Oxford, 2002.
10. Pragglejaz Group (2007), MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse, *Metaphor and Symbol*, 2007, 22 (1), pp. 1–39.

11. *Steen G. J., Dorst A. G., Herrman J. B., Kaal A. A., Krennmayr T., Pasma T.* (2010), *A Method for Linguistic Metaphor Identification*. Amsterdam: John Benjamins, 2010.
12. *Vertessen D., De Landtsheer C.* (2005), "Metaphorical election style? Patterns of symbolic language use in Belgian politics" available at: eis.bris.ac.uk/~potfc/Granada/Papers/Vertessen.pdf.